

Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва
(Институт Наследия)

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Философский факультет

**МИР ЦИВИЛИЗАЦИЙ
И «СОВРЕМЕННОЕ ВАРВАРСТВО»:
РОЛЬ РОССИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ
ГЛОБАЛЬНОГО НИГИЛИЗМА**

Коллективная монография
по материалам
XVI Международных Панаринских чтений

Москва
2019

УДК 930.85
ББК 66.3(2Рос)
М63

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Е. П. Чельшев**, академик РАН, председатель Научного совета при Президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия (председатель);
В. В. Аристархов, директор Российского научно-исследовательского института природного и культурного наследия имени Д.С. Лихачёва;
В. В. Миронов, член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;
Ю. А. Закунов, кандидат философских наук, руководитель Отдела наследования культуры Российского научно-исследовательского института природного и культурного наследия имени Д. С. Лихачёва (ответственный секретарь);
Е. Н. Моцеллов, доктор политических наук, заведующий кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;
А. В. Никандров, кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (научный редактор);
В. Н. Расторгуев, доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (ответственный редактор).

М63 **Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма** : Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. — М. : Институт Наследия, 2019. — 42 с. — DOI 10.34685/NI.2019.74.17.001. — ISBN 978-5-86443-290-7.

Коллективная монография обобщает материалы XVI Международных Панаринских чтений на тему «Мир цивилизаций и “современное варварство”: роль России в преодолении глобального нигилизма». Всего на чтениях было заслушано около 100 докладов по широкому кругу проблем, связанных с важнейшей тенденцией развития современной культурной и политической жизни, — возрастанием роли мировых цивилизаций и, соответственно, самобытных стран-цивилизаций как ведущих акторов исторического процесса, среди которых особая миссия принадлежит России. При этом внимание акцентировалось на социально-культурологических и геополитических факторах, которые препятствуют расширению межцивилизационных связей, основанных на взаимном притяжении национальных культур, доверии и солидарности народов. Среди этих факторов — грубая политизация международных отношений, варварские методы «современных цивилизаторов» и нагнетание глобального нигилистического радикализма, сущность которого была раскрыта в трудах А. С. Панарина. Книга рассчитана не только на специалистов в области цивилизационной теории, но и на студенческую молодежь, а также на всех, кто интересуется сохранением культурного и цивилизационного наследия России и мира.

УДК 930.85
ББК 66.3(2Рос)

- © Коллектив авторов, 2019
© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2019

ISBN 978-5-86443-290-7

Содержание

Введение

Мир и солидарность цивилизаций, природа нигилизма и варварство цивилизаторов (<i>Расторгуев В. Н.</i>)	7
---	---

Глава I

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАТОРЫ: СОВРЕМЕННОЕ ВАРВАРСТВО И НИГИЛИЗМ

Панарин А. С.

Цивилизация и варварство: будущее России в глобальной перспективе	27
--	----

Моцелков Е. Н.

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» как актуальное произведение, или Базаров сегодня	36
---	----

Спиридонова В. И.

Дискурс «цивилизация против варварства» как инструмент реализации мировой гегемонии	48
--	----

Гиренок Ф. И.

Глобальный нигилизм с точки зрения археоавангарда	63
--	----

Белозёров В. К.

Потенциал политологии войны в преодолении нигилизма	68
--	----

Яковлев М. В.

Идеи демократии русских философов: преодоление глобального нигилизма	83
---	----

Муза Д. Е.

Глобальное варварство как катализатор роста постцивилизационной онтологии (к логике тотального «вызова» и цивилизационных «ответов»)	92
---	----

<i>Викторов А. Ш.</i>	
Противостояние «пустого и полного мира» как кризис современной цивилизации	107
<i>Левицкий В. С.</i>	
Цивилизационная близость как фундаментальный ресурс в эпоху электронного средневековья	120
<i>Бундин Ю. И.</i>	
Цивилизация досуга: история и современность	126
<i>Савка А. В.</i>	
Современность и кризис цивилизации	137
<i>Кокшениева К. А.</i>	
О культурном конфликте и культуре понимания	165
<i>Шаринов А. М.</i>	
Иван Ильин о сущности правосознания и природе нигилизма	172
<i>Кацанова И. А.</i>	
Формирование новых смыслов общественной жизни в условиях глобализации и правовой нигилизм	179
<i>Васильев Г. Е.</i>	
«Нигилизм» в Русской культурно-исторической системе («цивилизации»): истоки и специфика	195
<i>Емельянов А. И.</i>	
Дихотомическое деление Запада и Востока в мировом цивилизационном процессе	200
<i>Закунов Ю. А.</i>	
Подлинные антитезы и мнимые синтезы: опыт российской культурно-цивилизационной альтернативы	209
<i>Торопов Е. А.</i>	
Прогноз развития идеологии американского консерватизма: размежевание или вырождение?	224

Глава II
РОССИЯ В МИРЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ:
КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА, СМЕНА СТРАТЕГИЙ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

- Шевченко В. Н.*
Онтологические константы России
как государства-цивилизации
в контексте всемирной истории 235
- Сенюшкина Т. А.*
Славянский политический диалог:
глобальные вызовы и цивилизационные ответы 256
- Самуйлов Г. Н.*
Цивилизационная миссия России
(Рецензия на монографию
«Цивилизационное развитие России:
наследие, потенциал, развитие») 264
- Гронский А. Д.*
Россия и варварство в современном
белорусском политическом дискурсе 269
- Козырьков В. П.*
Метаморфозы одичания в советском
и постсоветском обществе
в контексте цивилизационных процессов 279
- Бажов С. И.*
Эволюция политико-идеологических
конфликтов на Западе в XVIII — начале XXI в.
и проблема политико-культурной идентичности
современной России 296
- Пархоменко Т. А.*
Русское зарубежное наследие: от противостояния
цивилизаций к диалогу культур 308
- Житенёв С. Ю.*
Православное паломничество и религиозный
туризм в России: современное состояние
и тенденции развития 316

<i>Филатов А. С.</i> Роль России в сдерживании агрессивной конфликтологии США	323
<i>Харламова Ю. А.</i> Русский евразийский проект для современной Евразии	339
<i>Трухан А. В.</i> Проблема противостояния России и Запада: к определению специфики русского идеократического сознания в славянофильском дискурсе А. С. Панарина	348
<i>Никандров А. В.</i> Сталинское народовластие и попытка его доктринального оформления: от Конституции 1936 г. к проекту Третьей программы ВКП(б) 1947 г.	360
<i>Скоробогачева Е. А.</i> Перспективы цивилизационного развития России в ареале духовно-художественных традиций Русского Севера	422
<i>Глушенкова Е. И.</i> Контурь общества будущего в современном русском космизме: природа, общество, человек	429
<i>Лактионова Н. Я.</i> Идеология «украинства» как разрушение целостности России	443
<i>Маслова Ю. В.</i> Наследие старообрядцев Алтая — культурная альтернатива и миссия	451
<i>Инюшин В. В.</i> Кризис гуманитарного знания и реальная картина мира. Место России	459
Сведения об авторах	468

лидарность и соборность начинается с личности. Если с позиции «чистого теоретизирования» взгляды основных участников дискуссии смотрелись как диаметрально противоположные, то с позиции глубинной мотивации все обстоит с точностью до наоборот. Дело в том, что мотивы оппонентов полностью, абсолютно совпадали. И тот и другой искали пути к укреплению позиций православия, становлению и углублению самостоятельного и подлинно православного, незаимствованного богословского дискурса, к возвращению в народную жизнь духа соборности. А выбор методов и стратегий достижения общих целей в каждом конкретном случае подтверждается результатами совместной деятельности. Это относится не только к выбору образовательных стратегий, но и к определению общенациональной стратегии долгосрочного развития России.

Но вернемся к принципиально важному вопросу: как соединить, казалось бы, несоединимое — политические формы солидарности, «очищенные» от цивилизационного своеобразия и сакральности, которые зачастую механически переносятся на российскую почву, и солидарность, основанную на чувстве высшей справедливости и соборном восприятии мира, которая растворена в великой русской культуре на всех этапах становления Русской цивилизации? По сути, именно с этим вопросом обратился недавно председатель Конституционного суда В. Д. Зорькин к гражданам России в статье «Буква и дух Конституции». Самая главная мысль содержится в конце статьи: «Сейчас нам нужно признать, что Россия еще не выработала такую стратегию развития, которая отвечала бы ожиданиям российского общества и его представлениям о справедливости, а также тому новому месту в мире, на которое претендует наша страна. Если попытаться сформулировать общие контуры подобной стратегии, то я бы сказал так. Надо суметь соединить присущий российскому народу коллективизм, сформированный, — можно сказать, выкованный, — суровой природой, бесчисленными оборонительными войнами, необходимостью объединить множество наций и народностей “общей судьбой на своей земле”, на основе конституционных принципов правового, демократического и социального государства, — с созданием конкурентной экономической и политической среды»¹⁸. Статья

¹⁸ Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 окт. № 7689 (226).

виться от базаровых удалось, а в реальной российской истории не получилось. Пророчество Тургенева, к сожалению, оправдалось.

Выше уже отмечалось, что за художественным образом Базарова совершенно очевидно вырисовывались фигуры реальных деятелей России того периода, фигуры революционеров-разночинцев. Поэтому неслучайно именно в журнале Н. Г. Чернышевского «Современник», который считался главным оплотом этого направления, уже в марте 1862 г. появляется резко отрицательная рецензия М. А. Антоновича (горячего сторонника революционно-демократических идей)²². Антонович полагает, что образ Базарова антипатичен, может вызвать неприятие в обществе, и самое опасное — его могут отождествить с реальными людьми, его друзьями-революционерами. Поэтому уничижительно оценивая художественные достоинства романа, он прямо бросает Тургеневу и политические обвинения, считая, что писатель сознательно искажает мировоззрение базаровых. «Распространителей здравых понятий между молодым поколением, — так пишет о базаровых Антоновичу, обращаясь к Тургеневу, — вы хотели представить развратителями юношества, сеятелями раздора и зла, ненавидящими добро, — одним словом, асмодеями»²³.

В другой рецензии на роман «Отцы и дети», которая, как и предыдущая, вышла в марте 1862 г., но уже в журнале «Русский вестник», ее автор, Д. И. Писарев, в отличие от Антоновича, наоборот, не скрывает своих симпатий к своему сверстнику Базарову и открыто провозглашает себя его сторонником²⁴. Понимая, что

²² Статья М. А. Антоновича называется «Асмодей нашего времени». Асмодей (или Асмодеус) — злой, сластолюбивый демон (даже — демон демонов), персонаж ветхозаветных преданий, средневековых трактатов, иудейских легенд. Не трудно догадаться, что под Асмодеем Антонович подразумевает Базарова.

²³ *Антонович М. А.* Асмодей нашего времени // Антонович М. А. Литературно-критические статьи. М.; Л., 1961. С. 87–88.

²⁴ Необходимо отметить, что авторами критических отзывов на роман «Отцы и дети» были тогда молодыми людьми, которые и по возрасту и по взглядам были близки Базарову: Д. И. Писареву (1840–1868); в момент написания рецензии ему было 22 года; а рецензия в другом, близким по взглядам с «Русским вестником», журнале «Современник» была написана М. А. Антоновичем (1835–1918), которому было тогда 26 лет.

конную возможность признать допустимым их «освобождение» ради «высших целей» выживания человечества в целом. Именно таким «малокультурным» этносом сочли в свое время американцы коренное население Северной Америки. Сегодня подобная трактовка таит в себе «новые перспективы» и далеко идущие последствия. Ультиматум с подобными основаниями предъявлялся, например, в 90-х и нулевых годах России, которую «цивилизованный» евро-американский блок признал тогда страной, «несправедливо» владеющей огромными запасами природных ископаемых.

Новым инструментом «цивилизационной агрессии» в последние годы стал феномен так называемого вторичного, или подражательного империализма («secondary or imitative imperialism»)¹¹. Этим термином обозначается процесс, когда страны, недавно вошедшие в «европейскую семью», активно включаются в процесс «миссионерства» по отношению к другим народам (по их понятиям, «низшим») от имени общечеловеческих ценностей. Тем самым они стремятся продемонстрировать свою принадлежность к «цивилизованному сообществу».

Классическим историческим примером подобного поведения считается установление Японией в 1874 г. колониального правления на Тайване. В этот период в Стране восходящего солнца был в ходу аргумент о том, что, для того чтобы избежать печальной участи Китая, грубо завоеванного европейцами, следует в превентивном порядке преобразовать страну на европейских началах. Одним из элементов модернизации было признано заимствование европейской внешней колониальной политики, которая должна была послужить доказательством приверженности «прогрессу и цивилизации». Япония заявила, что она обязана «присоединиться к коалиции Запада» и принести в такие азиатские государства, как Корея, Китай и Тайвань, европейские ценности. Тем самым Япония может продемонстрировать свою способность и готовность даровать «благословения» цивилизации — «нецивилизованным» народам¹².

¹¹ Linklater A. The «Standard of Civilisation» in World Politics // Human Figuration. 2016. July. – URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.11217607.0005.205> (дата обращения: 16.10.2019).

¹² Suzuki. S. Civilization and Empire: China and Japan's Encounter with European International Society. Abingdon, 2009.

с истиной? Не будет ли истиной называться ложь, подкрепленная цифрами?

Абсолютное большинство существующих сегодня социальных ролей и профессий могут быть оцифрованы. Все, что имеет стиль, легко поддается алгоритму. Шопена уже давно нет, но есть программы, которые сегодня создают его ноктюрны. А это значит, что оцифрованное общество перестает быть социальным, оно становится технической реальностью, обществом без людей. А человек показывает цифре свою асоциальную антропологическую сущность. Единственное, что не умеют делать умные машины — это ставить цели. Потому что ставит цели тот, кто грезит. А умные машины не умеют это делать. Они не знают, что значит на что-либо решиться. Для того чтобы на что-то решиться в условиях неполноты знания, нужна идеология. Без идеологии человек в нерешительности будет топтаться на месте. Поэтому отсутствие идеологии — это еще один признак глобального нигилизма.

Все это вместе взятое указывает на то, что людям сегодня по большому счету не нужно сознание, что сознание — это привилегия немногих. И самое главное, что сознание и знание никак не связаны между собой. Можно лишь только догадываться о том, как полнота сознания стала возможна у художника палеолита. Для этого художнику было, видимо, достаточно удерживать различие между *мы* и *они*, понимая, что *мы* — это не *они*, а *они* — это не *мы*. Хотя и среди *нас* есть *они*, а среди *них* есть *мы*. Полное сознание — это и есть удерживание человеком различия между вещью и кажимостью.

Чем больше знания у человека, тем меньше у него сознания. Сегодня человечество, изнывая от обилия знаний, перестало себя удерживать в сознании, ибо признаком сознания является не наука, а религия, не знание, а вера. Единственное, что человечество сегодня еще худо-бедно осознает, это свою принадлежность к органическим существам. Глобальный нигилизм указывает на то, что человечество окончательно разуверилось в себе. Люди не хотят быть даже богами. Их сущностью стало техническое. Что нужно делать в этой ситуации? Защищать аффект — последнюю территорию человеческого. Что нужно делать России? Создавать идеологию и менять элиту, пытаясь понять, что то, что существуют, лишь кажется, что существует.

Заявлено, что военная политология как отрасль науки исследует:

- место и роль военного насилия в истории, его движущие силы, субъекты и формы;
- механизм, структуры и институты военной политики современных государств;
- состояние и тенденции развития военно-политических отношений в отдельных странах и мире в целом;
- социально-политические проблемы военного строительства;
- прошлые и современные военные идеологии;
- историю развития военно-политологических знаний²¹.

Признавая и позитивно оценивая появление вышеназванной системы научного знания, следует тем не менее высказать сомнения относительно правомерности самого словосочетания «военная политология». Фактически оно воспринимается как антипод некой «гражданской политологии». Целесообразно обратить внимание также и на то, что в рамках обозначенного объекта исследования военной политологии отсутствует война как таковая. Указанное обстоятельство характеризует сложившиеся исследовательские границы военной политологии и указывает на то, что война лежит вне этих границ. Следовательно, будет правомерно поставить вопрос о том, произошло это сознательно или же неосознанно. Вместе с тем именно война и ее понимание выступают исходным пунктом для создания, подготовки и применения военной силы, для разработки военной политики и связанных с ней военно-политических исследований.

Как представляется, объект исследования политологии войны могут составить следующие проблемы:

- война как политический феномен (применительно к России — в том числе и отечественная война);
- понятие современной войны;
- политические концепции и теории войны;
- военные доктрины государств;
- политическое предотвращение и подготовка войны;
- образ будущей войны в политике, в политических идеологиях и в государственных стратегиях;

²¹ См.: Военная политология. М., 2006. С. 13–21.

Не на это ли обстоятельство недавно справедливо указал Р. Осборн? В общем виде оно выглядит так: «Фундаментальная вера западной цивилизации в возможность разумного переустройства мира к всеобщему благу лежала в корне каждой пережитой нами антропогенной катастрофы, и тем не менее многие из нас по-прежнему считают, что у Запада есть священный долг, который состоит в распространении его прямолинейных, универсалистских, “прогрессивных” методов правления, хозяйствования, образования. Поддержания порядка, правосудия и нравственности — в том, чтобы сделать их принадлежностью каждого сообщества и каждого государства на планете. Неудобная правда, от которой нужно перестать отворачиваться, заключается в том, что для человеческого рода такая установка представляет не меньшую угрозу, чем завоевание силой оружия»³.

Однако само «поддержание порядка» известным набором средств, ныне артикулированных как «Smart Power», все чаще ведет к деструктивным последствиям⁴, которые как раз нуждаются в систематическом анализе и оценке. Прежде всего — в створе разрушения цивилизационного многообразия.

Поэтому заявленную тему (и проблему) я бы сформулировал как проблему невозможности достижения конечной цивилизационной истины ни одним отдельно взятым субъектом (актером) мировой политики и международных отношений. Причем неважно, США это или «коллективный Запад», если говорить о дне сегод-

³ Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М., 2008. С. 745–746.

⁴ Укажу хотя бы на актуальные «виктории» США в Афганистане, Ираке и Сирии. В качестве аргумента тут можно вспомнить о признании генерала Уэсли Кларка, командующего объединенными силами НАТО в Европе с 1997 по 2000 г. Так, он показал, что США во время «антитеррористической» операции в Ираке совершили три фундаментальные стратегические ошибки: 1) структура войск США в Ираке была нерелевантной ситуации; 2) планирование процесса послевоенного урегулирования было неадекватным; 3) была отвергнута поддержка мирового сообщества в вопросе легитимации этой операции (Кларк У. К. Как победить в современной войне. М., 2004. С. 83–128). Последствия этих, мягко говоря, просчетов, сказалась как на международной обстановке, так и на самих США. В первую очередь в плане конституирования ИГИЛ и большого ближневосточного хаоса.

Напротив, современное цивилизационное пространство и сами не-западные цивилизации обязаны выстроить систему фильтров и барьеров для предотвращения общецивилизационной катастрофы. А с другой стороны, их метазадача — наладить межцивилизационный диалог для манифестации своей цивилизованности и ее критериев.

живающих странах, имеющих разные контексты своего существования и воспроизводства), что находит выражение в различного рода деструктивных проявлениях на разных уровнях социального бытия, — но и особое понимание значимости переходного времени («зона парадокса», «черных лебедей», «спойлера» и др.), связанного как с позитивным началом структурной трансформации капиталистической системы в новое качественное образование, так и негативным (нарастанием различного рода угроз превращением институтов в социальные технологии, деформации механизмов социальной преемственности, упрощением социальных связей и социальных отношений).

отдохнуть и отвлечься от проблем. «Общение с прекрасным» должно доставлять позитивные эмоциональные переживания и новые впечатления. Формирующаяся культура постмодерна — культура «прикола».

Характерная для общества массового потребления, по образному выражению Т. Абанкиной, «экономика желаний» дарует человеку особую свободу — «свободно пользоваться...»¹⁰. Свобода наслаждаться жизнью — это свобода проецировать свои желания на вещи и предложенные способы проведения досуга, формирующие соответствующий стиль жизни. Очевидно, что реальные желания людей часто переменчивы, неопределенны, иррациональны и регрессивны. Поэтому желания нужно формировать, ими нужно управлять. Опасна та свобода «быть собой», которая подразумевает противопоставление индивида обществу. Зато безобидна свобода обладать вещами, поскольку она примиряет потребителя одновременно и с самим собой, и со своей группой.

Товары и услуги в экономике желаний отнюдь не служат удовлетворению естественных потребностей, наоборот, они формируют искусственные желания, навязанные «обществом потребления». Для того чтобы товар или услуга были вовлечены в современную систему потребления, необходимо, чтобы они стали внеположенными системе удовлетворения потребностей. Товар или услуга создаются не только руками, но и воображением, причем как воображением творца, так и воображением владельца вещи, который, купив ее, не просто пользуется ею, но думает, что обладает некоей символической ценностью. Постиндустриальная стадия характеризуется переходом от товаропроизводящей экономики (production economy) к так называемой обслуживающей экономике (service economy). Основной сферой занятости и источником дохода становится не только и не столько промышленность, сколько гуманитарные отрасли и сфера услуг. Возникли, с претензией на доминирование в крупных городах, целые индустрии услуг. Моделью общества становится коммуникационная модель взаимного «обмена услугами»¹¹.

¹⁰ Абанкина Т. В. Экономика желаний в современной «цивилизации досуга» // Отечественные записки. 2005. № 4 (25).

¹¹ Абанкина Т. В. Тенденции и модели использования культурных ресурсов для устойчивого регионального развития // VIII Междунар. науч. конф. Модернизация экономики и общественное развитие : в 3 кн. / Под ред. Е. Г. Ясина. Кн. 3. М., 2007. С. 313.

историцизма» в целом. Если при переходе от традиционной культуры к классической — осевой — семантический вектор развития представлений о времени разворачивается как переход от циклической временной модели к линейной, то современный переход к культуре постмодерна знаменуется радикальным отказом от линейного видения социальной динамики, от линейной концепции времени.

Согласно видению Джеймисона, современное общество характеризуется последовательным ослаблением историчности в отношении к общественной Истории. Подобная установка во многом была зафиксирована уже Х. Аренд, предвосхитившей в своем творчестве многие базисные идеи постмодернизма: «Нить традиции оборвана, и... мы не будем в состоянии восстановить ее. Что утрачено, так это непрерывность прошлого. То, с чем мы оставлены, все же прошлое, но прошлое фрагментированное». Если историография начала XX в. основана на представлении о том, что история — это процесс закономерной смены эпох, то постмодернизм, апеллируя к наступившей эпохе «гиперконформизма» уничтожает все законы, принципы и априорные схемы истории. На их месте оказывается «общество спектакля»; ткань истории, как и социальные связи, наполняются языковыми играми, «олитературивая» историю. История предстает как мягкая, несубстанциональная, межструктурная реальность с доминированием коммуникативного фактора. Рост поверхностного уровня, нарциссизм настоящего, одновременность разновременного создает ощущение «конца истории», «конца социальности».

Итак, с середины XX в. индустриальная цивилизация стала восприниматься иначе. В ней все больше констатировали кризис, в качестве признаков которого Э. Тоффлер⁶ называет безумное потребление, психологическую депрессию, преступность, истощение энергетических и природных ресурсов, коррупцию, инфляцию, отчуждение, одиночество, бюрократизм, кризис института брака и семьи и т. д.⁷ Стремительно растут психологические нагрузки, приводящие людей к психологическому «онемению», перемены набирают такую скорость, из-за которой, реальность

⁶ См.: Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2001; *Он же*. Третья волна. М., 2002; *Он же*. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2009.

⁷ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002. С. 530.

трудовыми биографиями; наличие небольших семей с традиционным разделением труда между мужчинами и женщинами; укорененность в классовых культурах массовых партий; устойчивость культурных универсалий, т. е. «базовых допущений» (ясные границы между жизнью и смертью, нами и другими, знанием и незнанием, природой и обществом). Все эти «базовые институты» пришли в движение в послевоенный период, когда веберовское прогрессирующее «расколдовывание» охватило основы Первого модерна. Произошли метаизменения социума, которые охватили экономическую и политическую сферы, область науки и техники, жизненные миры.

Нельзя, однако, сказать, что старые институты и культурные формы разрушаются или заменяются новыми формами: они выступают во множестве разнообразных конфигураций, которые позволяют говорить не о перерастании модерна в постмодерн, но о смене общественных и социально-научных парадигм внутри модерна. Можно говорить о единстве современности (Modernität) при различии институтов Первого и Второго модерна, признании множественности и амбивалентности во всех областях социальной жизни. На место модели «нормальной семьи» приходит плюрализация форм семейной жизни, на место образцовой монополии «нормальной работы» — плюрализация форм занятости, на место лево-правой партийной поляризации — многообразие партийных движений. Нормативными становятся не коллективности, подчиняющие индивидуальность общим интересам, а новые индивидуализированные констелляции, основанные на признании другого. Они не могут больше объединяться и интегрироваться заданными нормами, иерархиями и формами организации, но определяются дезинтеграцией, т. е. «рискованной свободой».

Происходят метаизменения государственности. Тип обособленного государства, характерный для Первого модерна, более не может рассматриваться как универсальный. Во Втором модерне происходит плюрализация и дифференциация государственных отношений — этническое государство, транснациональное государство, космополитическое государство; они начинают выступать как нормативные государственные образования, что ведет к «драматическому» возвращению старых проблем и противоречий. Для них характерны различные типы конституций, разные представления и оценки границ, суверенитета, прав человека и связанных с ними международных норм. Государства вновь

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ СМЫСЛОВ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ

Модернизационные процессы современного мира и их перспективы оцениваются теоретической мыслью по-разному: с одной стороны, рассуждают о создании единой (универсальной) глобальной цивилизации; с другой стороны, прогнозируют раскол и сосуществование нескольких цивилизаций на основе постоянного конфликта разной степени интенсивности. Геополитическая модернизация разбивается на различные тренды для различных стран в общем контексте глобализации, которая в свою очередь проходит несколько этапов развития. Первый этап, согласно исследованиям В. Г. Федотовой, был инициирован «сознательным разрушением таможенных барьеров ведущими западными странами с 1885 по 1914 г.¹ Второй этап глобализации возник после распада СССР, когда «раскол биполярного мира активизировал взаимодействие стран, сделав глобализацию ведущим мировым процессом, который увел модернизацию с глобального на локальный уровень». — Интеграционные процессы, охватившие весь мир, сломали многие перегородки между обществами, «усилив значение социокультурных факторов различных стран и их взаимовлияния». — Глобализацией сегодня усилено «значение опыта незападных стран для Запада, равно как влияние западных стран на незападные»².

¹ Первая глобализация была прервана Первой мировой войной. Период мировых войн, начавшихся в 1914 и 1939 гг., не создавал условий для взаимодействия стран, в том числе и торговых, в глобальном масштабе, а значит, и глобализации. Первая мировая война оборвала возможности первой глобализации, которая представляла собой беспопытный торговый обмен между странами.

² Федотова В. Г. Смена типов модернизационных процессов под влиянием второй глобализации // *Философия революций и глобальные тренды современности*. Дубна, 2017. С. 88–90.

В настоящее время признано влияние не только Запада на модернизацию других стран, но также и незападных стран на развитие западных. На первый взгляд, диалектика такого влияния подразумевает сотрудничество и диалог культур. Однако, обозревая панораму современной жизни, аналитики теории глобализации задают вопрос: возможен ли сегодня вообще диалог культур и межкультурная интеграция? Или это процессы давно минувших дней, которые слишком сложны для их осуществления? Не похож ли современный процесс интеграции одной культуры в другую на подмену этой культуры другой? Тем более, как показывает исторический опыт — полной интеграции не существует. Оформление многообразия культур в единую глобальную цивилизацию, в которой предпринимаются — извне или изнутри — попытки внедрения универсального (единого) кода демократических ценностей, ставит человечество перед необходимостью *постепенного, естественного взаимодействия культур* в целях освоения общественным сознанием народов, их моралью, непротиворечивостью религии и общественными нравами ценностей и стандартов иных культур. Ценность же современных интеграционных процессов нивелируется тем, что формирование процесса интеграции происходит только при участии развитых стран, называющих себя «гегемонами», что в конечном итоге может привести — и практически приводит — к обратному результату³.

Тема кризиса глобальной интеграции заслуживает пристального внимания, в том числе и потому, что современная реальность, ее политическая составляющая, провоцирует иные, отличные от универсальных, ценности межкультурной коммуникации. На повестку дня выходят не проблемы сотрудничества, а, напротив, проблемы религиозной и культурной нетерпимости. Надо отметить и то, что на современном этапе глобализации ставится под сомнение не только важность международных отношений во всех областях жизни, но и само понятие международного *сотрудничества*, выражающееся в заботе о сосуществовании наций, народностей, этносов. Современный кризис практики международных отношений, которые, преодолевая рамки национальной замкнутости, выстраивались на основе таких понятий, как

³ См.: Зорькин В. Д. Верховенство права и встреча цивилизаций // Право и общество в эпоху перемен : Материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. М., 2008. С. 84.

универсальность и мировое господство, усилили кризис и самого международного права. Одной из причин глобальных правовых проблем, по мнению В. Д. Зорькина, является распад «блоковой» биполярной системы мироустройства, с ее международными лидерами — СССР и США. Именно с этого момента «многие неприсоединившиеся страны, ранее действовавшие внутри страны и на международной арене с оглядкой на реакцию западного и советского блоков, начали попытки вести более свободную от международных норм внутреннюю и внешнюю политику». — Именно тогда, подчеркивает автор статьи, в мире, наряду с другими проблемами, «начались локальные и глобальные правовые коллизии, нарушающие фундаментальные международные права в отношении государств и их границ, сформулированные в уставе и конвенциях ООН и в итоговых документах Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе»⁴.

Новая глобальная ситуация раскрывает, по сути, еще и то, что современное международное право, например, в области прав человека, представляет собой общепринятые государствами международные *стандарты* для национального права. Однако, сформулированные в Декларациях, общие принципы европейского права, хотя и имеют непосредственное отношение к правам человека и гражданина⁵, в целом носят *рекомендательный* характер и рассматриваются в большей степени как источник обычных норм международного права. Принципы декларации закрепляют основные права и свободы личности, но между тем не являются *императивными*⁶. Получается, что правовая система ценностей

⁴ См.: Зорькин В. В. — URL: <https://rg.ru/2014/06/19/zorkin-poln.html>.

⁵ Первый документ был составлен 27 августа 1789 г., через несколько недель после падения Бастилии (Французская революция) и принят Национальным собранием Франции в качестве Декларации права человека и гражданина. Французская декларация подтвердила и провозгласила «перед лицом высшего существа и с его благоволения права человека и гражданина», записанные в 17 главах, в которых ясно и четко выделялись *естественные права человека*. Данная декларация была направлена на защиту этих естественных прав. Национальное собрание в утвержденной Французской Конституции бесповоротно отменяет установления, сориентированные на причинение ущерба свободе и равенству прав.

⁶ До Первой мировой войны отдельные вопросы прав человека (главным образом — прав религиозных меньшинств) включались в дву-

непосредственно зависит от социально-политических условий того государства, в котором они задействованы. В таком случае государство может как защищать, так и попираť права и свободы человека и гражданина.

Сегодня принято делить права человека на **определенные группы и поколения. Некоторые праведы делят** так называемые *права человека* на абсолютные и относительные, понимая, **например**, под абсолютными — фундаментальные права человека: право на жизнь, право не подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому, унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, право на неприкосновенность частной жизни, личную или семейную тайну, защиту своей чести и достоинства, свободу совести, свободу вероисповедания... При этом оговаривается главное условие, охраняющее эти права, согласно которому, не допускается ни при каких обстоятельствах ни ограничение, ни временное приостановление этих прав. Понятно, что реализация прав и свобод возможна только в государстве с демократически организованной государственной властью. Остальные права человека называются относительными, и, соответственно, могут быть ограничены или приостановлены на определенный срок в случае введения режимов чрезвычайного или военного положения. Правомерно встает вопрос: необходимо ли вообще деление прав человека на абсолютные и относительные, например, в том случае, когда речь идет о правах человека на уровне права народов, или европейского права?

Очевидно, что наметившийся кризис в международных отношениях ставит под угрозу уничтожения не только вполне привычные для современного человека понятия, такие как взаимосвязи народов, солидарность, объединяющая человечество в единое политическое и культурное пространство, но и то, что в условиях глобализации широкое распространение приобретает тезис — «кризис права», проявления которого, по мнению А. Н. Медушевского, «усматривают практически во всех значимых областях жизни: разрушении исторически сложившейся системы международного права и деформации последнего под

сторонние и многосторонние договоры; сегодня на основании декларации приняты два *обязательных* договора: Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

влиянием интеграционных процессов (размывание понятия суверенитета)»⁷.

Безусловно, современная глобализация в общем плане отмечена обезличиванием, а в некоторых случаях и трансформацией, политико-идеологических основ, административно-государственных синтезов, гражданских социальных консенсусов, которые еще недавно всем казались практически незыблемыми. Вполне очевидно и то, что главным ее результатом стало ослабление государственного суверенитета и уже сложившихся форм социальной защиты. До некоторого времени вполне устойчивым было представление о том, что государство как политическое образование является самым надежным институтом по организации и сохранению правопорядка, что оно является системой социальной защиты граждан. В настоящее время именно этот институт переживает серьезный кризис, ставящий под сомнение саму реальность существования государства. Речь идет уже о том, сохранит ли государство свою территориальную целостность, т. е. свои границы, а значит, свою реальность, свою идентичность; будет ли существовать государство как субъект истории. Именно сегодня, и это очевидно, многие государства утрачивают свою легитимность и демонстрируют неспособность исполнять взятые на себя социальные обязательства по поддержанию как правопорядка, так и защите от внешних угроз, а также обеспечению населения «социальными благами». Некоторые современные государства уже не могут контролировать и охранять политическую, военную, экономическую, социальную, культурную жизнь собственного народа в той степени, в какой это осуществлялось до сих пор. Именно такое положение рассматривается в качестве одной из причин трансформации современного мира.

Очевидно, что глобализация сопровождается неким деконструктивным разрушением национальной государственности. На самом же деле это лишь частный аспект серьезного процесса смены социально-политических парадигм. При теоретическом рассмотрении методологически значимых проблем, связанных с воздействием процесса глобализации на национальные государ-

⁷ *Медушевский А. Н.* Кризис права как проблема теоретической юриспруденции // *Право и общество в эпоху перемен : Материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца.* М., 2008. С. 89.

ства и правовые системы, аналитики теории глобализации указывают, например, на такую особенность, как опережающее развитие *функциональной* стороны глобализации по сравнению с ее *институциональной* стороной. Отмечается, в частности, и то, что чрезмерная активизация функциональной стороны глобализации без развития ее институциональной стороны в конечном итоге может привести не только к распаду всякой устойчивой социальности, образующей и поддерживающей системообразующие формы существования государственности, но может спровоцировать и так называемый *вселенский хаос*⁸.

Определенные трудности возникают и с созданием «глобальных институтов и политических систем», которые, по сути, становятся наднациональными и практически надправовыми в общем понятии правовой системы как таковой. В принципе, изменение политической и правовой реальности такого рода заставляет преобладающую сегодня теорию государства адаптироваться к новым условиям, — соответственно, в результате таких перемен формируется более гибкое отношение и к представлениям о праве и правовом плюрализме, о плюрализме правопорядков; а значит, возникает необходимость сформулировать более широкое право, сориентированное не только на государство. Сегодня право, как регулятор общественных отношений приобретает все более выраженное социальное измерение. С опытом развития человечества в XX веке, «с его процессами индустриализации и урбанизации... с появлением новых социальных групп, требующих особых механизмов защиты их прав, пришло понимание того, что традиционные — либеральные — права и свободы человека и гражданина недостаточны для эффективной защиты интересов людей в условиях указанных процессов». — В современной правовой науке социальные права рассматриваются «как равные по значимости гражданским и политическим правам, как естественные по своей природе, основанные на принципах солидарности и распределительной справедливости правовые притязания»⁹.

⁸ Ильин М. В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Глобализация политики и эволюция политических систем: Глобальные, социальные и политические проблемы в мире. М., 1997. С. 47.

⁹ Зорькин В. Д. Верховенство права и встреча цивилизаций. С. 76.

Именно поэтому не стоит воспринимать «кризис права» слишком упрощенно, т. к. причиной кризиса можно считать как конфликт старого и нового права, так и то, что в авангарде всех современных международных процессов стоит политика, которая, как утверждал французский философ П. Рикёр, «находит свою кульминацию в вопросах о *легитимности* порядка, при помощи которого государство препятствует насилию, пусть даже ценой другого насилия, из которого вышла сама политическая власть и стигматы которого она непрестанно несет...»¹⁰. Соответственно, *политикам* предоставлено решать практически все проблемы социального развития, в том числе и на мировом уровне. Политики сегодня устанавливают правила ограничений посредством, например, экономических санкций для тех или иных стран, обуславливая эти маневры своими политическими доводами и амбициями. Современные юридические вопросы приобретают статус «политических вердиктов», которые позволяют политикам, с одной стороны, пренебрегать статусом международного права, создавшего целый комплекс универсальных форм взаимоотношений между государствами — договоры, декларации, пакты; с другой стороны, коллективно одобрять очевидный террор и геноцид против народов с формулировкой *легитимности* этих действий.

Важно в таком случае в геополитическом прогнозировании учитывать не только факторы происходящих перемен, связанных с глобализацией, но и адекватно оценивать фактор риска в социально-политической практике. Сегодня важно не столько констатировать факт кризиса правовой системы, сколько самим юристам определиться в интерпретации проблемы соотношения легитимности и законности основных правовых актов. Важно также выяснить, как определяется ситуация пробелов в праве и как решается вопрос об их заполнении. Закон, бесспорно, всегда и везде — есть нечто обобщенное, однако, бывают случаи, для которых невозможно предположить общее высказывание, приемлемое для него с непреложностью. Именно тогда юридическая практика сталкивается с так называемыми *сложными делами*. Сегодня часто идет речь и о так называемых *двойных стандартах* и двойных смыслах в интерпретации принципов и норм права. В юридической практике, несмотря на то, что правовая аксиома гласит: юрист или правовед должен прежде всего следовать букве

¹⁰ Рикёр П. Справедливое. М., 2005. С. 10.

и духу закона, существует между тем система, когда сам закон может быть интерпретирован в чьих-либо интересах, — и тогда возникают те самые двойные стандарты, о которых так часто сегодня говорят. Правда, мало кто задумывается над тем, что *стандарты* или *смыслы* такого рода не являются порождением современности, они существовали всегда — как существует сознание человека и, соответственно, осознание им той реальности, в которой он непосредственно проживает.

Тему аргументации и интерпретации в юридической практике актуализировал Рикёр в полемике с Р. Дворкиным. Согласно Рикёру, именно в юридической практике приходится, к сожалению, сталкиваться «со смутным характером юридического языка, с временным молчанием закона относительного “трудных дел” (*hard cases* Дворкина), с удобной возможностью и зачастую необходимостью выбирать между буквой и духом закона»¹¹, с которым собственно сталкивается юридическая аргументация. И, как следствие — двойные стандарты, столь популярные сегодня.

Учитывая все это, становится очевидным, что именно юристам необходимо обратить свои профессиональные усилия на урегулирование международных конфликтов в соответствии с юридическими методами и нормами, предусмотренными тем самым *международным правом*, принципы которого зафиксированы во всех декларациях, в том числе и Декларации прав человека и гражданина. Политикам же важно иметь хотя бы минимум представления о том, что политика — это не только власть, сила и способ обогащения, но прежде всего — профессиональная деятельность, главным условием которой является ответственность за принятие решений. Желаям стать политиком необходимо прежде, чем включаться в политические «игры», задуматься над *масштабом* существующей ответственности перед народом, нацией, и просто человеком.

Нет смысла забывать, что в своей исторической эволюции человечество шаг за шагом — от желания сделать общественную жизнь «благом» до желания защитить самого человека — «его права» — формировало то общее поле защиты, то самое международное право, которое практически синтезировало в себе наиболее важные элементы основных правовых систем. Созданная в Римскую эпоху система правоотношений покорила не только мир, но и время — до

¹¹ Рикёр П. Справедливое. М., 2005. С. 142–143.

сих пор значение римского права определяет его рецепция во всем мире. Рассматривая эволюцию римского права, следует отметить, что оно формировалось с учетом тех социально-политических запросов, которые требовали существенных перемен не только в экономических связях, но и в общественных отношениях; однако, перестраиваясь, римское право прежде всего ориентировалось на начала *индивидуализма*: свободу личности, свободу собственности, свободу договоров и завещаний. Фундаментальность же римского права определяется тем, что оно, преодолев национальную замкнутость, создало единую централизованную систему — право народов — *ius gentium*, синтезировав в нем правовые достижения других государств; сформировав, таким образом, существенные и общие элементы, составившие основу всякого права. Право народов стало универсальным правом, и как право всемирное оно было свободно от всяких местных и национальных особенностей. Международным отношениям оно придавало юридическую ясность и прочность, и практически удовлетворяло как римлян, так и греков, египтян и галлов.

Безусловно, современный мир в условиях глобализации существенно изменился, создав условия для формирования новых принципов и смыслов общественной жизни, как на уровне международных отношений, так и на уровне локальных государств. И важно сегодня не столько теоретически и методологически, сколько практически сформировать четкое представление о глобализации как о современном феномене, оказывающем столь активное воздействие на общественную и государственно-правовую жизнь всех без исключения и стран и народов. В геополитическом или социальном прогнозировании, как считал А. С. Панарин, «необходимым методологическим компонентом является нормативно-ценностная модель. Мы не просто определяем тенденции, но учитываем и антиэнтропийную стратегию людей, стремящихся скорректировать эти тенденции в соответствии со своими представлениями о лучшем и достойном»¹².

На самом деле современные дискуссии о том, что меняется «картина мира», или создается «новый порядок» жизни, формируют осознание того, что мы окунулись в проблему глобального кризиса, связанного с переоценкой универсальных ценностей

¹² Панарин А. С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 363.

и стандартов жизни. Парадоксы современности поставили человека в условия выбора не между должным и сущим, а, по сути, между тем, «что есть», и тем «что должно быть». Практически между философским осознанием того, что же на самом деле для человека есть «добро», а что есть «зло». Современный человек привык к тому, чему его учили с детства, например, что преступление или нарушение общественной жизни всегда наказуемо. Но, похоже, социальная нормативность не для всех сегодня является очевидной. Можно, например, отдавать приказы «убивать», прикрываясь «гуманистическими» принципами «борьбой за справедливость», не попадая при этом под юридические санкции. Получается, что с моральных позиций, прикрываясь благими намерениями, можно оправдать любой поступок, даже преступление. На эту форму социальной ответственности обратила внимание Х. Арендт, подчеркивая, в частности, что среди многих вещей, которые всегда считались «непреходящими и жизненно важными», следует «обратить внимание на вопросы морали: на вопросы, касающиеся индивидуального поведения и образа действий, ряда правил, норм и эталонов, с помощью которых люди отличали правильное от неправильного. Эти правила, нормы и эталоны считались частью божественного, либо естественного, закона, а потому предполагалось, что для любого человека, находящегося в здравом уме, их значимость самоочевидна...»¹³

Перед человеком, на самом деле, всегда вставала проблема определения смысла и проблема выбора. Просто одних это интересовало и интересует в большей степени, чем других, или не интересует вообще ни тех, ни этих. В любом случае независимо от того, обсуждаются социальные вопросы или вопросы культуры, всегда были и будут идти споры о приоритетах, а по сути, «о вкусах» и «пристрастиях». Проблема, как видится, заключается как раз в том, что в изменчивой исторической обстановке меняется не сущность вопроса, а только способ его постановки и решения. Ф. Ницше, например, усомнившись в универсальности моральных принципов, подвергал критике традиционные, в основном христианские, ценности. Пребывая в поисках «новых ценностей», он предложил в качестве эталона — «Жизнь саму по себе». По социальным критериям жизни того исторического периода это противоречило традиционному представлению о смыслах и ценностях.

¹³ Арендт Х. Ответственность и суждение. М., 2013. С. 84.

Получается, что проблема актуализации морального обоснования условий и времени жизни связана, в сущности, не с нигилизмом отдельного человека по отношению к универсальным ценностям, а, скорее, с тем, что все формы социальности практически навязываются человеку извне. Общеизвестным является, например, то, что в общественном пространстве человеку должна быть предоставлена свобода. Но проблема заключается в том, что под свободой, к сожалению, многие понимают лишь свободу произвольного действия, тогда как речь на самом деле идет о *свободе выбора* между нравственным и безнравственным с общественной точки зрения поступком. Именно свобода выбора, а не свобода произвольного поступка, становится для человека осознанным, а значит, добровольным действием, которое он не только принимает добровольно, но и осознает при этом последствия, предоставленного ему блага — блага свободного выбора. Соответственно, в данном случае человек несет полную ответственность за совершаемое действие, т. е. социализация поступка соответствует порядку — прав и обязанностей. На самом деле, принудить или заставить человека выбирать между добром и злом, или принудить нравственно совершенствоваться, в принципе невозможно, все это реализуется лишь на уровне добровольного волеизъявления самого человека, на уровне его *свободного* выбора. Именно поэтому, принимая в целом общественный порядок, человек часто сталкивается с конфликтом между общественным и личным интересом. Правда, силу конфликта можно снизить за счет осознания человеком своих прав и обязанностей перед другими, такими же социально равноправными, как и он.

В современном общественном пространстве проблема социальной нормативности не ограничивается смыслом моральных принципов, она также касается смысла общественной коммуникации, определяющей, по сути, содержание самой нормативности. Система социальной нормативности в целом представляет собой не только систему регулирования, но еще и систему социальной ориентации. Именно систему социальной ориентации каждый человек получает от рождения в готовом виде, в перспективе либо приспособляясь к ней по жизни, либо стремясь в чем-то или как-то ее изменить. В любом случае социальная нормативность для человека представляет собой ту часть духовного мира, которую можно назвать «образом жизни общества». Социальные нормы оказывают непосредственное воздействие на сознание

людей, соответственно, поведение людей, и даже их отношения, оцениваются волевыми действиями самого человека. Именно таким образом в сфере социальной нормативности из оценок формируются предписания и принципы, например, большинством в обществе принимаются в качестве позитивных такие установки как: «убийство человека — это зло», или «милосердие — это добро», «воровать — это незаконно» и т. п.

Понятно, что система социальных норм у каждого общества своя, потому что содержит унаследованные от предыдущих поколений оценки «добра» и «зла», выраженные в виде норм, институций. В целом же социальная нормативность, по сути, отражает общественную культуру поведения людей через идеи, идеалы, интересы, и даже возникающие противоречия в обществе, а уже через институциональность — организации, союзы, объединения, устойчивые нравы — органически вплетаются в общественные отношения. И если рассматривать все социальные нормы как нормы взаимодействия, или коммуникации людей в обществе, тогда можно рассматривать современные социальные отношения не просто в качестве отношений, которые связывают людей или социальные группы только по их интересам, но также следует учитывать и тот факт, что социальная нормативность имеет формальные признаки, которые сориентированы на общественные отношения в рамках прав и обязанностей индивидов по отношению друг к другу.

Не вызывает сомнения тот факт, что общественная организация нуждается в правилах, регулирующих не только внутреннее поведение людей, что составляет задачу этики, но и их внешнее, социальное, поведение. Нельзя построить систему социальных отношений, тем более современных, на одних лишь моральных принципах, такое стремление противоестественно, и ведет оно, как утверждал Б. А. Кистяковский, «к уничтожению и дискредитированию не только этики, но в итоге к окончательному притуплению правового сознания»¹⁴. На отношения такого рода обратил внимание Рикёр, определив их как *институциональные*. Важным моментом, согласно Рикёру, является то, что благая жизнь не сводится к системе межличностных отношений, характер которых выстраивается на уровне моральных ценностей любви, дружбы, взаимовыгоды. Цель благой жизни, так или иначе, включает

¹⁴ Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 138.

в себя «смысл справедливости», который в свою очередь подразумевается в самом понятии «другого». В социальной практике человек фактически, даже воспринимая свое «неуловимое бытие-для-другого», признает *лишь* то, что «справедливо относительно» него. И человеку неважно, что его социальный статус предполагает с необходимостью признавать и то, что «справедливо» в отношении другого. Справедливо, например, сохранить свободу другого, оставаясь при этом свободным самому.

В социальном пространстве, согласно Рикёру, параллельно с межличностными отношениями дружбы существует еще одна форма единения, которую философ называл «одинокостью в толпе», или «жизнью с другим и для другого». Способ коммуникации такого рода в большинстве случаев носит *формальный* характер и не приносит человеку полного удовлетворения от общения. В системе данных отношений человек в каком-то смысле находится в одной плоскости с жизнью другого, но при этом другой *не* является для человека лишь противоположностью его «Я», его самости. Другой здесь — это другой, нежели «он сам» — человек. В данном случае другой является отдельной личностью, «не имеющей лица», но при этом он — *каждый*, требующий справедливости. Отношения к другому такого рода «опосредованы особым *институтом*» и представляют «структуру совместной жизни», или форму институциональных отношений, смысл которой соответствует установлению: «*каждому свое*». Собственно, такая модель отношений предполагает другого как каждого, «любого», с которым человек — «Я» — строит отношения, которые в свою очередь «соответствуют *справедливым институциональным установлениям*, где справедливость распространяется дальше, чем встреча с глазу на глаз»¹⁵.

Правовую справедливость можно понимать как стремление действовать в соответствии с правами и обязательствами, воздавая каждому свое и обеспечивая условия для реализации способностей каждого. Специфика юридического определяет «смысл справедливости, возведенный на уровень формализма», через распределение благ, уравнивая всех в правах на это. Однако принцип справедливости на этом уровне, подчеркивает Рикёр, «не может стать полностью независимым от всякой соотнесенности с благом в силу природы самой проблемы, выдвигаемой идеей

¹⁵ Рикёр П. Я — сам как другой. М., 2008. С. 232.

справедливого распределения, а именно — учета реальной разнородности распределяемых благ» и, собственно, условий. — В этике благой жизни Рикёра «смысл справедливости органически связан со стремлением к благой жизни», поэтому философ размещает «справедливое между законным и благом». — Философ акцентирует внимание на *формальном* статусе закона, подчеркивая при этом, что в данном случае «закон выступает не просто как моральный закон, но как закон юридический». По сути, он отстаивает *универсалистскую* значимость идеи права — т. е. закона, и, не останавливаясь на формулировке кантовского императива, сосредоточивает внимание «на важной мутации, через которую проходит смысл справедливости»¹⁶.

Существенным моментом здесь является то, что установка «каждому свое» имеет формальный смысл, определяющий порядок отношений между людьми на уровне — «каждому свое право». Такого рода *порядок* взаимоотношений строится по принципу защиты интересов личности от всякого рода антиправовых и антиобщественных действий других. Социальный статус права в данном контексте задействован на выражение *индивидуального* интереса: автономии личности, личного интереса или принципа, *обеспечивающего только каждому свое* — как чье-то право. Понятно, что такая установка свойственна далеко не всякому человеку, а только тому, который способен воспринимать правовую реальность и понимать, что *выбор* действия или поступка всегда *остается за ним*. Такое понимание вполне удовлетворяет знанию того, какой поступок является правильным, соразмерным добродетели; знанию того, по поводу чего, собственно, дискутировали греческие философы, в частности Сократ.

Современные правила общежития ориентируются прежде всего на формально определенные нормы поведения, которые, как принято считать, не учитывают так называемого *внутреннего* морального состояния людей. И безусловно, правовой закон никогда не рассматривает человека в качестве духовного существа, автономно включающегося в систему правовых смыслов и ценностей, как и не определяет он условий той юридической ответственности, которую человек обязан нести за формально объективированные в поступках проявления своей воли и, соответственно, своей принципиальной позиции. При формально

¹⁶ Рикёр П. Справедливое. С. 22–23.

определенных правилах поведения отношения строятся с учетом того, что человек, сознающий свое социальное значение, не может не осознавать того, что в общественном пространстве он не один, что кроме него есть и другие люди, имеющие и претендующие на те же права, что и он. Важно здесь отметить, что правовые нормы, определяя внешнее поведение, в то же время сами не являются чем-то внешним, потому что пребывают прежде всего в нашем сознании, и, соответственно, являются такими же внутренними установками нашего духа и нашей воли, как и этические нормы и формы поведения.

Право, как утверждал И. А. Ильин, «обоснованно испытывается волею как *объективно значащее* установление», как предмет, смысл которого «постигается не аффектом, и не эмоцией, и не воображением, а мыслью». — Главное в знании о праве то, что «сознавать право — не то же самое, что иметь клубок субъективных эмоций». — Мыслитель был убежден в том, что право не может иметь объективного значения, как и «объективного смыслового содержания» без правовой культуры, которая, по сути, определяет правосознание человека, а значит, и его правовую культуру, которая, надо заметить, непосредственно отражает состояние общества, и, собственно, государства. Правосознание содержит в себе базовые ценности правовой культуры в их соотносительности с такими общественными нормативными системами, как нравственная и религиозная. Поэтому правосознание всегда отражает социально-политическую атмосферу любой государственности, потому что право и правопорядок любого общества тесно связаны с правосознанием и непосредственно зависят от его состояния. Правовая жизнь, считал Ильин, «подлежит общему и основному закону духовного развития и является, подобно религии, философии, науке, искусству и нравственному творчеству, разновидностью единого жизненно-духовного делания»¹⁷. И надо заметить, что это совершенно справедливое и объективное умозаключение. Не подлежит сомнению, что проявления нигилизма по отношению к праву или праворегулированию являются следствием отсутствия правовой культуры как самого человека, так, возможно, и общества в целом.

¹⁷ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Теория права и государства. М., 2008. С. 329–331.

В современной жизни, а тем более в повседневной практике, за глобально организованной деятельностью человек часто пропускает мимо элементарную условность: как бы ни были изменчивы нравы, в общем, суть морали остается неизменной. И как бы юристы сегодня ни утруждали себя доводами о том, что современная геополитика «нарушила» устойчивые смыслы, и что современное законодательство в силу тех или иных объективных причин вынуждено не учитывать интересы личности — на универсальные заповеди альтернатив им не найти. Сегодня важно не просто констатировать ту или иную проблему, а пытаться, с учетом очевидных изменений, совершенствовать то реальное пространство, в котором живет сам человек и которое должно быть справедливо организовано именно для человека. И не геополитика должна влиять на условия жизни человека, а сам человек должен совершенствовать условия своей жизни.

В начале XXI века А. С. Панарин, рассуждая о глобальной значимости России в векторе исторического времени, отмечал, что на тот момент, вследствие неопределенности геополитического положения страны, и противоречивости ее собственного поведения на мировой арене, *влиятельные субъекты мировой политики* не смогли окончательно определиться в том, что «для них опаснее: возможное возрождение России как региональной (а тем более мировой) сверхдержавы или предельное ослабление России, более не способной служить геополитическим противовесом между Востоком и Западом, Севером и Югом». — Неопределенность, безусловно, затрудняла оценку будущего геополитического положения России, однако, как считал Панарин, субъектам мировой геополитики необходимо было осознать не только значимость России в геополитическом векторе, но и ответить на вопрос, «может ли быть обеспечена стабильность и в пространстве Евразии, и в мировом масштабе без участия России как полноценного субъекта мировой политики»¹⁸. Именно такая принципиальная позиция, которой всегда придерживался А. С. Панарин в своих выводах, позволяет не только оценивать его теоретическое наследие актуальным, но и вселяет надежду на успех решения насущных проблем.

¹⁸ Панарин А. С. Реванш истории. С. 365.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЖОВ Сергей Иванович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН

БЕЛОЗЁРОВ Василий Клавдиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета имени Мориса Тореза, сопредседатель Ассоциации военных политологов

БУНДИН Юрий Иванович – кандидат юридических наук, доцент Центра инновационных образовательных проектов Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица

ВАСИЛЬЕВ Глеб Евгеньевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия)

ВИКТОРОВ Александр Шагенович – доктор социологических наук, профессор социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

ГИРЕНОК Фёдор Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии философского факультете МГУ имени М. В. Ломоносова

ГЛУШЕНКОВА Елена Ивановна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ЦПРМ, ИМЭМО РАН

ГРОНСКИЙ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН

ЕМЕЛЬЯНОВ Антон Игоревич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

ЖИТЕНЁВ Сергей Юрьевич – кандидат культурологии, президент Международной общественной туристской академии (МТА), советник директора Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия)

ЗАКУНОВ Юрий Александрович – кандидат философских наук, руководитель Отдела наследования культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия)

ИНЮШИН Валерий Владимирович – кандидат экономических наук, Финансовый директор компании «ReWeTe AG», вице-президент Фонда «Судьба Бытия»

КАЦАПОВА Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН

КОЗЫРЬКОВ Владимир Павлович – доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

КОКШЕНЕВА Капиталина Антоновна – доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, руководитель Центра культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия)

ЛАКТИОНОВА Наталья Яковлевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН

ЛЕВИЦКИЙ Виктор Сергеевич – кандидат философских наук, директор Украинского института стратегий глобального развития и адаптации (Брюссель, Бельгия), докторант МГУ

МАСЛОВА Юлия Валерьевна – *зав. отделом металла и камня
Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного
искусства*

МОЩЕЛКОВ Евгений Николаевич – *доктор политических наук,
профессор, заведующий кафедрой философии политики и права
философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

МУЗА Дмитрий Евгеньевич – *доктор философских наук, член-корре-
спондент Крымской Академии наук, начальник научного отдела
Донецкого педагогического института, профессор кафедры
Международных отношений и внешней политики Донецкого
национального университета (ДНР)*

НИКАНДРОВ Алексей Всеволодович – *кандидат политических
наук, доцент кафедры философии политики и права философ-
ского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

ПАРХОМЕНКО Татьяна Александровна – *доктор исторических
наук, руководитель Центра культурного наследия русского
зарубежья*

РАСТОРГУЕВ Валерий Николаевич – *доктор философских наук,
профессор кафедры философии политики и права философского
факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

САВКА Аврора Валерьевна – *доктор философских наук, профессор
кафедры философии Российской академии государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

САМУЙЛОВ Геннадий Николаевич – *кандидат философских наук,
доцент кафедры философских наук Московского государствен-
ного лингвистического университета, руководитель Российско-
французского центра*

СЕНЮШКИНА Татьяна Александровна – *доктор политических
наук, профессор, профессор кафедры политических наук и меж-
дународных отношений философского факультета Таврической
Академии Крымского федерального университета имени
В. И. Вернадского, Республика Крым, Российская Федерация*

- СКОРОБОГАЧЕВА Екатерина Александровна – *доктор искусствоведения, доцент кафедры всеобщей истории искусств РАЖВиЗ Ильи Глазунова, ведущий научный сотрудник Центра комплексных художественных исследований Саратовской государственной консерватории*
- СПИРИДОНОВА Валерия Игоревна – *доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН*
- ТОРОПОВ Егор Андреевич – *студент магистратуры кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*
- ТРУХАН Анатолий Васильевич – *кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия*
- ФИЛАТОВ Анатолий Сергеевич – *кандидат философских наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*
- ХАРЛАМОВА Юлия Александровна – *доктор политических наук, профессор Российского университета транспорта (МИИТ)*
- ШАРИПОВА Александр Михайлович – *кандидат исторических наук, сопредседатель Международного Ильинского комитета (Москва), член Союза писателей России*
- ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич – *доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН*
- ЯКОВЛЕВ Максим Владимирович – *доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Научное издание

МИР ЦИВИЛИЗАЦИЙ
И «СОВРЕМЕННОЕ ВАРВАРСТВО»:
РОЛЬ РОССИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ
ГЛОБАЛЬНОГО НИГИЛИЗМА

Коллективная монография
по материалам
XVI Международных Панаринских чтений

Ответственный редактор —
доктор философских наук, профессор
Валерий Николаевич Расторгуев

Научный редактор —
кандидат политических наук, доцент
Алексей Всеволодович Никандров

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: info@heritage-institute.ru